

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 351(510+(470+571): 0.В. СИВИНЦЕВА, к.полит.н., старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления
008+65
ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», г. Пермь, ул. Букирева, 15
Электронный адрес: sivenc8@gmail.com

С.Р. ТИТОВА, старший преподаватель кафедры политических наук
ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», г. Пермь, ул. Букирева, 15
Электронный адрес: svetlana.titoffa@gmail.com

Е.А. ТРОИЦКАЯ, к.полит.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления
ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», г. Пермь, ул. Букирева, 15
Электронный адрес: troitzkaya@inbox.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ СОВРЕМЕННЫХ АДМИНИСТРАТИВНЫХ РЕФОРМ В КИТАЕ И РОССИИ: КУЛЬТУРНЫЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

В статье раскрываются особенности культурных и экономических институциональных условий административных реформ в духе западных управленческих моделей New Public Management и Good Governance в Китае и России. В культурном плане оцениваются ценности и традиции, степень зрелости института гражданского общества, состояние прав человека в обеих странах. В экономическом – исследуется масштаб государственного регулирования экономической сферы и уровень зрелости коммерческого сектора.

Результаты исследования показали, что наибольшие проблемы в ходе реализации административных реформ могут быть вызваны культурными различиями между Китаем и Россией, с одной стороны, и государствами западного мира, с другой. В обоих государствах отсутствует устойчивое гражданское общество в западном понимании, а также длительная административная традиция.

Относительно экономической среды Китая и России нельзя однозначно утверждать, что она благоприятствует или препятствует импорту «идеальной» западной управленческой модели. Ряд параметров, например значительная степень государственного регулирования, способствуют успешному заимствованию модели Good Governance. А такие параметры экономической среды, как недостаточно зрелый коммерческий сектор и целый комплекс социально-экономических проблем, наоборот, создают трудности при импорте модели New Public Management в части полноценного участия бизнеса и общества в предоставлении услуг и управлении государством.

Ключевые слова: *New Public Management; Good Governance; административные реформы; институциональные условия; культурная среда; экономическая среда; гражданское общество; коммерческий сектор*

С 1980-х годов XX века административному реформированию подверглись системы государственного управления практически всех современных государств. Подобные изменения были спровоцированы глобальной сменой парадигмы государственного управления, в результате чего основные принципы государственного администрирования в виде широкого государственного присутствия, опоры на бюрократию и иерархию попытались заменить уменьшением роли государства в управлении, реализацией рыночных механизмов в государственном секторе, поощрением экономии и эффективности в целях удовлетворения нужд потребителей, развитием проектных инструментов работы мультипрофессиональной команды служащих. Подобного рода трансформации на государственном уровне в западных странах явились основой для последующего концептуального оформления таких управленческих моделей, как *New Public Management* и *Good Governance*. Модель *Good Governance* является своеобразным ответом на недостатки *New Public Management* и обращается как к менеджериальным рыночным механизмам в государственном управлении, так и в противовес *New Public Management* к широкому государственному присутствию и равноправной роли государства, бизнеса и общества в принятии управленческих решений.

Именно эти модели, их отдельные элементы в дальнейшем были заимствованы государствами незападного мира в целях преобразования собственных административных систем. Показательно, что административные реформы, реализованные под углом заимствования рыночных элементов, продемонстрировали совершенно различные результаты и в большинстве своем не оправдали ожиданий реформаторов в разных частях земного шара. В значительной мере новые институты отторгались традиционной институциональной средой принимающих государств, культурные, управленческие и экономические особенности которой в корне не соответствовали импортируемым элементам. Кроме того, при проведении административных реформ определяющее значение приобретает ситуационный контекст, учитывающий расклад политических и общественных сил, поддерживающих реформы, имеющиеся ресурсы, политическую волю руководства и наличие четко спланированной программы реформ.

Не явились исключением из глобальных процессов административного реформирования Китай и Россия, два крупнейших соседствующих друг с другом государства, оба имеющие «мозаичный» политический опыт, который включает периоды империи и строительства коммунизма. Несмотря на то, что в России произошла смена политической системы, а Китай продолжил двигаться по пути к коммунизму, оба государства в 1980–2000-е гг. начали управленческие реформы в духе *New Public Management* и *Good Governance*, не завершённые до сегодняшнего дня, и столкнулись со сложностями в их реализации. Это позволяет нам поставить вопрос о значимости институционального и ситуационного политического контекста для административного

реформирования. В какой степени на импорт административных моделей в духе New Public Management и Good Governance в двух странах влияет политическая ситуация и политические цели руководства, а в какой – культурные, экономические и управленческие особенности страны, т.е. институциональная среда?

В первой части статьи предполагается рассмотреть особенности культурной и экономической институциональной среды Китая и России, а во второй – управленческий и ситуационный контекст административных реформ в этих государствах. Выявленные ограничения, налагаемые на преобразования институциональной средой обеих стран, позволят в дальнейшем разработать меры по нейтрализации ее негативного воздействия.

Особенности культурной институциональной среды Китая и России

При импортировании новых институтов в иную институциональную среду их характер во многом определяется культурной составляющей, генерирующей традиции и ценности принимающего государства. Когда речь идет об импорте New Public Management и Good Governance, то в дополнение к ценностным элементам определяющую роль играют институты гражданского общества как субъекты, способные принимать активное участие в политическом процессе и тем самым готовые перенять делегированные государством полномочия по реализации государственных услуг.

С позиций неонституционализма ценности рассматриваются как неформальный и наиболее конфликтный механизм при импортировании формальных правил в иную институциональную среду. По словам идеолога неонституциональной теории Д. Норта, «несмотря на полное изменение формальных правил, общества упорно сохраняют старые элементы» [19, с. 56–57]. Поэтому предсказуемо, что потребуются длительное время и значительные усилия политического руководства для обеспечения «приживаемости» новых институтов. Для Китая базовый набор ценностей сформулирован в конфуцианстве, имеющем тысячелетнюю историю в этой стране.

На современном этапе значение конфуцианства как идеологической основы государственного управления Китая возрастает и приобретает роль ориентира дальнейшего стратегического развития страны. Кроме того, особое значение имеет постконфуцианская гипотеза, отводящая конфуцианской философии роль определяющего инструмента в развитии экономики государств восточной культуры.

С началом текущего столетия в китайскую политическую культуру в наибольшей степени инкорпорируются конфуцианские принципы, имеющие прямое отношение к народному единству, народному самосознанию, обеспечению государством народного благосостояния. В современном Китае эти ценности воплощаются и в теории тройного представительства, и в понятии *сяокан*, и в управлении на основе добродетели, и в стремлении китайского руководства решить проблему с неравенством.

Примечательно, что к конфуцианским принципам в «современной обработке» добавляются и совершенно новые концепты, отражающие реалии настоящей эпохи и претендующие на статус общенациональных ценностей.

Среди них научная концепция развития, обозначенная в качестве приоритетной стратеми на XVII съезде КПК в 2007 г., дополняющая идею «трех представительства», и стремление к развитию гармоничного сбалансированного общества. По словам Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК, «научная концепция развития – это самое последнее достижение теоретической системы социализма с китайской спецификой, квинтэссенция коллективного разума КПК, мощное идеологическое оружие в руководстве всей партийно-государственной работой» [23]. Данное утверждение в очередной раз подчеркивает приверженность руководства ценностям коллективизма, а также необходимость постоянного обновления ценностной и идеологической основы в Китае при сохранении традиционных элементов.

Наконец, с момента обновления политического руководства на XVIII съезде КПК широкую известность получила идея Си Цзиньпина о *чжунго мэн* (китайской мечте). Си Цзиньпин объединяет под лозунгом «китайской мечты» две общегосударственные миссии – «достижения зажиточного общества (*сяокан*)» и «развития демократического, цивилизованного и гармоничного модернизированного социалистического государства» [31]. Кроме того, в ходе своего выступления он обращается как к тысячелетней истории Китая и его традициям, так и декларирует необходимость инновационного развития, но с учетом китайских национальных особенностей.

Что касается наличия марксистских идей в китайской идеологии, то в соответствии с поправками, внесенными в Устав Коммунистической партии Китая в 2002 г. на XVI съезде, определяется, что «классовая борьба уже перестала быть главным противоречием» [27], хотя еще долго будет существовать в определенных рамках. С учетом поправок, внесенных в Устав КПК на XVIII съезде в 2012 г., в нем вообще отсутствует какое-либо упоминание о классовом обществе, что подтверждает большую приверженность китайского руководства именно конфуцианским идеям, а не марксистским, которые хотя и упоминаются в выступлениях лидеров КНР, но постепенно теряют свою содержательную значимость.

Что касается России, говорить о целостной идеологической основе государственного управления сложно. Российская политическая культура иллюстрирует противостояние двух типов ценностных ориентаций, которые можно обозначить как европейские и евразийские [2; 17]. Здесь европейские ценности – это весь комплекс демократических индивидуалистических ценностей; они подтверждаются такими историческими примерами, как вечевые республики северо-запада Древнерусского государства, Земские соборы и традиции местного самоуправления, движения русской интеллигенции XVIII–XIX веков и диссидентов 1960-х, демократическая перестройка. Евразийские ценности, с другой стороны, характеризуются как коллективистские и авторитарные, и в российской истории находят подтверждение в самодержавии, советском тоталитаризме, крепостническом укладе хозяйства, традициях «модернизации сверху», этатистских, вождистских ориентациях и т.п. В новейшей истории России подобное противостояние двух типов ценностей как на ценностном, так и на институциональном уровне можно проследить.

Кроме того, значительный вклад в ценностную систему вносят представления об «особом пути» России, религиозные традиции – своеобразный аналог китайского конфуцианства и «мозаичность» государства, в котором фиксируются серьезные размежевания сразу в нескольких направлениях. Под «особым путем» России подразумевается обыкновенно ее отличие как от стран Запада, так и от азиатских государств, которое актуализирует необходимость поиска собственного варианта развития. Вариантами «особого пути» можно назвать концепции «суверенной демократии» и «Русского мира»; обе они последовательно становились «мейнстримом» российской политики, подразумевают великодержавность и в большей или меньшей степени изоляционизм во внешней политике. «Особый путь» тесно связан с русским православием, богословские концепции которого тяготеют к мессианству во взглядах на роль Святой Руси – единственного оплота истинного христианства, наследника Византии.

Помимо ценностных установок, при трансплантации западных моделей определяющее значение имеет зрелость гражданского общества, что выражается как в возможности сокращения функциональной нагрузки государства в пользу некоммерческого сектора, так и политическом участии общественности в принятии государственных решений, контроле за их реализацией и способности населения предъявлять к государству требования относительно качества предоставляемых услуг.

Преобразования в экономической сфере КНР и России с 80-х гг. XX в. явились точкой отсчета феноменального роста гражданских групп, особенно предпринимательских, профессиональных и академических ассоциаций. По официальным данным, к концу 2012 г. в КНР насчитывалось 499 тыс. общественных организаций, что на 8,1% больше, чем в предыдущем году, с охватом около 613 млн 300 тыс. граждан Китая, что на 2,3% превышает показатели 2011 г. [33]. При этом, как сообщает Бюро по работе с неправительственными организациями КНР, «количество незарегистрированных организаций или зарегистрированных в качестве коммерческих, но представляющих общественный сектор, составляет около 1 млн» [40].

Причиной значительного количества нелегальных организаций в Китае является жесткий политический контроль: он проявляется в наличии широкого объема формальных правил, необходимых при регистрации (строго определенное количество участников, соответствующий объем финансирования, наличие доступного помещения и другие достаточно жесткие условия). Более того, устанавливается монополия одной общественной организации в определенной области, что в немалой степени ограничивает легальное функционирование других объединений той же направленности. Стоит согласиться с В. Ганшиным, что «достаточно жесткая позиция властей в отношении политической ориентации возникающих общественных объединений пока что позволяет им практически полностью контролировать процесс институционализации гражданских инициатив» [8, с. 129]. К тому же первостепенность для китайских граждан надличностных ценностей, сформировавшихся еще в эпоху Конфуция, в виде независимого стабильного государства и даже некоторой аполитичности населения во многом определяют современное положение некоммерческих организаций.

Правовой статус элементов «третьего сектора» экономики в КНР до конца не отрегулирован, поэтому и организации находятся в крайне дифференцированном положении в зависимости от степени государственной поддержки, финансирования, статуса участников. В целом их типология аналогична общепринятой на Западе, однако имеет и свою специфику. Особое место среди неправительственных объединений занимают всекитайские организации, существовавшие еще при Мао Цзэдуне, среди которых можно отметить Всекитайскую федерацию профсоюзов, Всекитайскую федерацию женщин, Коммунистический союз молодежи Китая. Они полностью находятся на государственном бюджете и занимаются в основном пропагандистской работой под контролем государства.

Что касается России, бум перестроечных общественных движений, массовых политических течений оказался продуктом кратковременного общественного настроения и в 1990-е гг. сошел на нет; устойчивого гражданского общества как среды не сформировалось. Сегодня государственная политика в этой сфере направлена на встраивание структур гражданского общества в общую властную вертикаль общественно-политической системы. В стране сформировался устойчивый третий сектор, в деятельности которого можно выделить следующие направления:

- площадки медиации между гражданами и правительством (Общественные палаты федерального и регионального уровней, Общественные советы при властных структурах);
- структуры молодежной политики (молодежные политические организации (Молодая гвардия Единой России), молодежные парламентские организации);
- электоральное участие и наблюдение на выборах;
- членство в политических партиях, общественных движениях, участие в местном самоуправлении;
- элементы электронной демократии (электронное правительство, открытые данные, системы «единого окна»);
- участие в НКО;
- содействие государству в устранении последствий стихийных бедствий, террористических актов [7].

При всем многообразии гражданских ассоциаций необходимо отметить, что они в значительной степени зависят от государства. В. Рябев приводит такие группы механизмов, иллюстрирующих масштаб влияния государства на эту сферу: стимулирование социальной активности прямыми государственными грантами, социальное обслуживание, государственное социальное спонсорство – льготы по уплате налогов, таможенных платежей, социальное побуждение негосударственных спонсоров, государственный социальный заказ, лоббирование [26].

Другой значимой сложностью для развития гражданского общества стали ужесточения законодательства об НКО, повышающие пороги для регистрации и отчетности с 2006 г., а с 2014 г. – регламентирующие варианты финансирования в зависимости от сферы деятельности (законодательство об иностранных агентах). Свообразным ответом на подобную политику стало осознание

гражданскими объединениями своей роли как политической альтернативы государству и выход из ниши решения частных проблем, начавшееся еще во время протестного движения в ходе электоральных кампаний 2011–2012 гг.

Общей чертой развития российских НКО является слабое участие граждан. Отдельные успешные практики не становятся образцами для сколь-нибудь значительного числа людей, подчеркивает И. Дзялошинский: «И хотя в отдельных правозащитных, благотворительных организациях, профессиональных союзах, творческих объединениях накоплен значительный опыт по взаимодействию с органами государственного управления и сформулированы заслуживающие внимания рекомендации по ключевым вопросам улучшения деятельности институтов власти, этот багаж используется крайне мало» [10]. Осложняющими факторами для развития гражданского общества исследователи называют низкую численность среднего класса, теневую экономику, клиентелизм, коррупцию, низкий уровень доверия к власти [26] и ее персонификацию, ориентацию на сильную авторитарную власть [21].

Помимо гражданских ассоциаций, основу гражданского общества в западном понимании составляют права человека. Отметим, что определенный прогресс в развитии института прав человека в Китае наметился с включением в Конституцию формулировки «государство уважает и обеспечивает права человека» [16], что свидетельствует о юридическом признании этого понятия народом и государством. Также в 2013 г. в Китае была издана 10-я Белая книга по правам человека «Прогресс Китая в области прав человека в 2012 году» [28]. Ее основной особенностью, как и всех предыдущих Белых книг, является отсутствие как таковых прав личности, а скорее, культивация прав китайского народа. Книга подразделяется на несколько разделов, которые носят названия «Экономическое развитие защиты прав человека»; культурное, социальное, «политическое конструирование защиты прав человека»; «Обеспечение экологической защиты прав человека». Такие характерные для Запада права, как право на жизнь, свободу слова, печати, выражение личного мнения и т.д., в ней не упоминаются.

Отсутствие в Китае признания личностных прав подчеркивается российским экспертом Л. Делюсиным: «Личность сама по себе не считается самоценной, независимой, самостоятельной. Такова сила традиционной политической культуры, и она принималась и признавалась не только властью, но и основной массой населения страны» [9, с. 6]. Ценности коллективизма в данном случае выходят на первый план при реализации общественно-государственных отношений в Китае. При этом концепция прав человека интегрируется в идеологическую основу государства.

В свою очередь Россия ратифицировала все международные документы о правах человека и включила в собственную Конституцию признание и гарантию личных прав. При этом правозащитные организации указывают на фактические нарушения прав, заложенные в законодательстве. К таковым относят ограничения на политические демонстрации и собрания, закон об «иностранных агентах» для НКО, нормы о запрете пропаганды нетрадиционных отношений среди несовершеннолетних, об оскорблении чувств верующих [1]. Национальное законодательство вводит собственные нормы, которые

декларируются как соответствующие российским традиционным ценностям и не всегда соответствуют европейскому пониманию прав и свобод.

Таким образом, культурная институциональная среда Китая и России представляет собой совершенно иной комплекс характеристик по сравнению с западной институциональной средой. Китайский комплекс формируют восточные ценности и традиции, предполагающие верховенство государственного начала, интеграцию общественных и государственных структур, их стабильное функционирование, апеллирование к конфуцианскому прошлому, необходимость удовлетворения коллективных общественных интересов, а не личных. Этот ценностный комплекс составляет идеологическую базу, к которой все в большей степени обращается политическое руководство Китая. Культурная институциональная среда России представляет собой неоднородное пространство, в котором присутствуют и западные, и восточные элементы как на уровне ценностей, так и на уровне государственной политики.

Ценностный потенциал находит выражение в специфических особенностях гражданского общества Китая. Оно характеризуется ограниченной автономией некоммерческого сектора, а также, несмотря на декларирование защиты прав человека в Конституции, отсутствием личностной составляющей этой категории.

Противостояние восточных и западных ценностей в России также заметно на примере динамики развития гражданского общества: внезапный демократический бум общественных движений сменяется снижением активности населения и патерналистскими тенденциями, включением гражданских организаций в функционирование властной вертикали. Права человека, декларированные на самом высоком уровне, все чаще ограничиваются законодательно в пользу традиционных национальных ценностей.

В настоящий момент, несмотря на значительное количество организаций некоммерческого сектора и тенденций либерализации в Китае и России, население играет пассивную роль в политическом процессе как в силу сложившихся традиций, так и существующего политического порядка, отводящего крайне узкие рамки для политического участия граждан. На данном этапе ни китайское, ни российское общество не представляет консолидированную силу, способную предъявлять жесткие требования к государству. Вполне предсказуема ситуация отсутствия вовлеченности широкой общественности в процесс обсуждения административных реформ.

Особенности экономической институциональной среды Китая и России

Успешность государства на мировой арене зачастую определяется именно экономическими показателями, которые формируют соответствующие условия для благополучного существования общества. При проведении административных реформ руководству страны важно понимать, какую роль играет государство в экономике, насколько автономны рыночные механизмы в экономической сфере, имеет ли все условия для своего существования и развития частный сектор и, в особенности, сфера услуг. Предсказуемо, что реализация менеджерских принципов государственного управления невозможна при

отсутствии конкурентоспособного коммерческого сектора, способного взять на себя государственное бремя удовлетворения потребностей населения. При этом государство должно занимать лишь роль арбитра в регулировании рынка, а не искусственным образом устанавливать свои «правила игры» в экономике.

В отличие от западных стран Китай только в конце 1970-х гг. приступил к реализации рыночных преобразований, ставивших своей целью преодоление экономической отсталости. При этом результаты его экономического роста, а именно выход на 2-е место в мире по уровню ВВП, свидетельствуют не только об успешности экономических преобразований, но и о конкурентоспособности КНР по сравнению с другими экономиками мира.

И если Китаю удалось постепенно реализовать рыночные реформы в экономической сфере в рамках существующей общественно-политической системы, то Россия более двадцати лет назад также совершила переход к модели рыночной экономики, но уже в результате крушения советского государства. Более того, по сравнению с Китаем, ежегодно наращивавшим темпы экономического роста, в 1990-е гг. Россия пережила достаточно тяжелый период трансформационного кризиса, что позволило ей только в 2000-е гг. выйти на основные показатели 1990 г. По состоянию на 2014 г. Россия, согласно данным МВФ, занимает 6-е место, более чем в 4 раза уступая Китаю, ставшему первой экономикой в мире [45].

Заметим, что тенденция 1990-х гг., связанная с резким сокращением доли государственной собственности и ослаблением экономической роли государства, в 2000-е гг. в РФ сменяется обратным процессом усиления роли государства и увеличением государственного сектора в ряде отраслей. Так, в 2000-е гг. политическим руководством страны осознается, согласно Концепции долгосрочного социально-экономического развития до 2020 года, необходимость «перехода к инновационному типу экономического развития» [20]. Немаловажную роль в становлении последнего играют государственные компании и корпорации, ориентированные на поддержку как высокотехнологичных (авиационная и ракетно-космическая промышленность, судостроение, информационно-коммуникационные технологии и др.), так и базовых отраслей (энергетическая, нефтегазовая, транспортная промышленность, тяжелое машиностроение и др.). В основном за счет слияний и поглощений для российской экономики характерно укрепление государственного сектора стратегическими высокорентабельными отраслями. Задача «четкого определения тех сфер экономики, где интересы укрепления независимости и безопасности России диктуют необходимость преимущественного контроля со стороны национального, в том числе государственного, капитала» [24], обозначенная Президентом РФ В. Путиным еще в 2005 г., реализуется в последнее десятилетие в российской экономике. По оценкам Международного валютного фонда, отчетность российских госкомпаний публикуется в ограниченном объеме: на самом деле общая доля госсектора составляет не менее 71% ВВП, в том числе госкомпании формируют порядка 29% ВВП. При этом Росстатом оценивается только доля государственных и муниципальных предприятий в общем количестве предприятий, которая составляет порядка 9% [12].

Одним из элементов китайской экономики можно считать значительную роль государства в экономической сфере. В отличие от стран Запада КНР пока не готова передать часть полномочий негосударственному сектору и сохраняет жесткий макроконтроль в отдельных областях. О том, насколько сильна правительственная интервенция в экономику, свидетельствует значительная доля государственных предприятий в экономике страны. Так, по сообщению сотрудника Всемирного банка Гао Сю, по итогам Второй экономической переписи в КНР 2008 г. доля государственных предприятий составляет всего 3,1% от общего количества промышленных предприятий, однако им принадлежит 30% совокупных активов вторичных и третичных отраслей (промышленности и сферы услуг) [36]. По данным 2012 г. количество государственных предприятий сократилось до 0,3%, но их активы не уменьшились; в целом доля государственного сектора в китайском ВВП составляет порядка 40% [3].

Стоит сделать оговорку, что представленная статистика, хотя и отражает общие тенденции, может не быть полностью объективной. Причиной этому является неопределенность форм собственности, существующих в Китае. В соответствии с Конституцией, «основой социалистической экономической системы КНР является социалистическая общественная собственность на средства производства, то есть общенародная собственность и коллективная собственность трудящихся масс» [16]. На практике общественная собственность представлена государственной, акционерной, коллективной, совместной видами собственности. И если на Западе в большинстве случаев владельцами акций акционерных компаний являются частные лица, то в Китае контрольный пакет принадлежит государству. В КНР этот вид собственности был внедрен на государственных предприятиях с целью привлечения инвестиций. Как указано на официальном сайте одной из крупнейших нефтяных компаний Китая PetroChina, «её учредителем, а также держателем контрольного пакета акций является Китайская национальная нефтегазовая корпорация», преемница Министерства нефтяной промышленности, преобразованного в «государственную компанию, наделенную определенными административными функциями», обладающую 86% акций PetroChina [29]. Наличие различных вариантов общественной собственности дает основания говорить о доминировании условной верховной собственности в Китае.

В российской экономике на сегодняшний день не вполне юридически определенной формой хозяйственной деятельности являются государственные корпорации, начало которым было положено в 2007 г. По крайней мере, они не коррелируют ни с государственной и муниципальной, ни с частной формами собственности, обозначенными в Конституции РФ. В составе госкорпораций находятся те отрасли промышленности, которые являются основными движущими силами модернизации. При этом ряд из них (Объединенная судостроительная корпорация, Объединенная авиастроительная корпорация) созданы в форме ОАО, в которых по аналогии с КНР большая часть акций принадлежит государству, а другие («Роснано», Фонд содействия реформированию ЖКХ) в форме НКО.

Таким образом, и в России, и в Китае государство контролирует серьезную часть общих активов в экономике. Такое положение дел способствует,

с одной стороны, концентрации на решении общегосударственных проблем, а с другой – определяет наличие серьезных административных барьеров и противоречий с экономикой рыночного характера. Избранный обоими государствами в разное время при различных общественно-политических системах путь государственного капитализма предполагает, что значительная доля производства приходится на десяток государственных компаний, каждая из которых закрывает отдельный сектор экономики. Значительная степень государственного участия в экономике обеих стран вполне способствует восприятию Китаем и Россией модели Good Governance, однако наряду с этим требует равноценного участия со стороны бизнеса и общества.

В настоящее время политическое руководство Китая сосредоточено на поддержке семи стратегических отраслей. В классификаторе Государственного статистического управления Китая среди них обозначены энергосбережение, информационные технологии, биоинженерия, обрабатывающая промышленность, альтернативные источники энергии, новые материалы, автомобильная промышленность [30]. Предприятия такого профиля обязаны отчитываться перед ПК ВСНП и общественностью об исполнении своего бюджета. Непосредственно контрольные функции над ними сосредоточены в руках учрежденного в 2003 г. Государственного комитета по контролю и управлению государственным имуществом. В настоящий момент он курирует 117 предприятий, хотя, по официальной информации, «к 2010 году их количество должно было сократиться до 80–100, а впоследствии до 30–50 крупных корпораций» [44]. Однако это не означает, что государственный контроль над стратегическими отраслями может быть ослаблен.

Особое место в финансировании государственных предприятий занимают государственные банки Китая, предоставляющие кредиты на льготных условиях. Их основной особенностью является тот факт, что банковские кредиты вписываются в государственный бюджет Китая, что позволяет государству постоянно контролировать финансовые операции банков. Наличие государственного контроля над кредитованием также проявляется в искусственном занижении процентной ставки с целью регулирования направлений и механизмов инвестирования. По оценкам экспертов, свыше 90% активов банковского сектора в Китае приходится на банки, аффилированные с государством, при этом на пять крупнейших госбанков приходится примерно 60% активов. В свою очередь в России к началу 2014 г. рыночная доля подконтрольных в той или иной степени государству банков приблизилась к 60% [6, с. 23–24]. В этом смысле для обеих стран характерно наличие нескольких непосредственно контролируемых государством крупных банков во главе банковской системы. И если Китай постепенно создавал собственную банковскую систему с начала 1990-х гг. XX в., то для России после экономического коллапса 1990-х гг. только в 2000-е гг. характерно расширение государственного сектора и в определенной мере ослабление конкурентных отношений в банковской сфере.

Помимо этого, механизмом жесткого государственного контроля в Китае выступает ценообразование. Несмотря на практически полный отход от «двухколейной» системы цен, которая явилась достаточно успешным механизмом

ограничения инфляции на первых этапах реформ, государственное регулирование ценообразования, особенно в стратегических отраслях, сохраняется. По оценкам А.В. Островского, «по всей стране доля рыночных цен неуклонно увеличивалась, а доля устанавливаемых государством и регулируемых государством неуклонно сокращалась – от 95% в конце 1970-х гг. до 5% в начале XXI века» [22, с. 221]. Естественно, эти 5% составляют монополизированные государством отрасли. Кроме того, в государственном бюджете Китая сохраняется уникальная статья «ценовые субсидии», предусматривающая ограничение инфляционных всплесков. Это еще раз подтверждает наличие наряду с рыночными механизмами ценообразования инструментов государственного вмешательства, ограничивающих самостоятельное развитие рынка в Китае. Что касается России, то на данный момент после процедуры отпуска цен в 1990-е гг. государственное тарифно-ценовое регулирование реализуется только в отраслях естественных монополий в ограниченных масштабах.

В контексте заимствования элементов западных моделей особую значимость приобретает негосударственный сектор, представленный малыми и средними компаниями, способными взять на себя отдельный спектр государственных полномочий. Только начиная с 2000-х гг. правовой статус частных организаций приобретает все большую институциональную завершенность в Китае. Так, в 2004 г. в Конституцию КНР была внесена поправка о том, что «законная частная собственность граждан неприкосновенна» [16]. Более того, по Закону о праве собственности, принятому в 2007 г., «права собственности государства, коллектива, частного лица и других владельцев должны быть защищены законом» [41], что впервые гарантировало равенство прав государственной и частной собственности, но пока только на бумаге.

Однако до сих пор частному сектору крайне сложно интегрироваться в структуру отраслей, находящихся под государственным контролем. Хотя в выпущенных в 2011 г. «Стандартных требованиях к малым и средним компаниям» [32] спектр отраслей частного сектора был расширен практически в 1,5 раза, китайский рынок не является полностью открытым для этих организаций. По данным корреспондента КНР в сфере финансов Лю Цзу, «97% из китайских 42 миллионов малых и средних компаний не имеют возможности получать кредиты от банков» [38] как юридические лица. Что касается результатов развития частного сектора в Китае, то стоит согласиться с В.В. Карлузовым относительно «недостаточной полноты зрелости института частной собственности и незавершенности процесса легитимизации национального предпринимательства в КНР» [15, с. 140].

Несмотря на сложности развития частного сектора в Китае, его доля в ВВП, как сообщает Министерство торговли КНР, составляет более 58,5% в ВВП [43], что значительно выше российского показателя в 20–21% [11]. В свою очередь, и численность занятых в малом и среднем бизнесе Китая достигает 70%, в России – только 25%. Значительные проблемы в развитии российских малых и средних предприятий создает крайне нестабильное законодательство в этой сфере. Как отмечается Государственным советом РФ, ежегодно принимается более 22 тыс. нормативных актов, затрагивающих сферу предпринимательства, что является одной из причин ухода бизнесменов в теневой сектор

экономики [11]. Более того, осложняют развитие частного сектора в РФ административные барьеры, недоступность финансовых ресурсов, а также высокая совокупная средняя эффективная налоговая ставка на бизнес [13]. Как и в КНР, российским компаниям порой бывает затруднительно получить кредит на развитие бизнеса в связи с высокими процентными ставками, отсутствием государственных гарантий, ограничениями для коммерческих банков со стороны банка России и увеличения им учетной ставки рефинансирования.

В связи с тем, что западные модели, прежде всего, основаны на предоставлении услуг населению, эта сфера, именуемая третьим сектором экономики, представляет особый интерес. Несмотря на достаточно высокие темпы роста сферы услуг в последние годы в Китае (по сравнению с 1980 г. увеличилась вдвое), по итогам 2012 г. «на этот сектор приходится 45% ВВП, как и на сектор промышленного производства (остальное составляет сельское хозяйство)» [42]. В России доля сферы услуг в ВВП – 58%, что хотя и выше, чем в Китае, но значительно уступает развитым странам. В англосаксонских государствах, прежде всего Великобритании и США, этот процент составляет почти 80% [42].

По данным Всемирного банка количество занятых в сфере услуг в КНР – 36%, в промышленности – 29%, в сельском хозяйстве – 35% [34; 35]. В соответствии с информацией Росстата в РФ в сфере услуг занято 65,8%, в промышленности – 27,5%, в сельском хозяйстве – 6,7% [14]. По этим показателям Китай можно охарактеризовать как страну со значительной долей занятых в аграрном секторе при его небольшой доле в ВВП страны. В России большая часть населения занята именно в сфере услуг, хотя доля этого сектора в ВВП страны не сопоставима с показателями ведущих мировых держав.

В начале XXI века политическим руководством Китая стал рассматриваться в качестве одного из негативных проявлений проводимой до этого экономической политики существенный разрыв в развитии восточных и западных регионов. По уровню ВРП региональные различия налицо: в провинции Гуаньдун он составляет 6,78 трлн юаней, в Шанхае – 2,36 трлн, в Тибете – 92 млрд [37]. В итоге показатели наиболее экономически обеспеченного региона в 74 раза превосходят уровень ВРП наименее развитого в этом плане. Существенный разрыв в региональном развитии Китая дает все основания полагать, что предрасположенность к импортированию элементов западных моделей так же дифференцирована в восточной и западной частях страны. И если восточные регионы имеют достаточно зрелый коммерческий сектор, развитую сферу услуг широкого профиля, то западные – преимущественно аграрные регионы – пока не ориентированы на предоставление населению качественных и разнообразных товаров и услуг.

В России также имеет место проблема территориальной дифференциации. Как определяется в Концепции долгосрочного социально-экономического развития страны, одной из первоочередных задач государственной региональной политики является «обеспечение сбалансированного социально-экономического развития субъектов, сокращение уровня межрегиональной дифференциации» [20]. На данный момент ВРП в г. Москве и г. Санкт-Петербурге составляет 10578 млрд руб. и 2292 млрд руб. соответственно, тогда как

в Еврейской автономной области и Республике Тыва – 42,5 млрд руб. и 37,7 млрд руб. [5] По этому показателю разница между г. Москвой и Республикой Тыва еще более значительна, чем в КНР, и достигает 280 раз. Причины неравномерного развития российских регионов заключаются не только в обширной территории и, соответственно, дифференциации ресурсного потенциала, но и чрезмерном уровне централизации (что, собственно, свойственно и Китаю). Исторически еще со времен основания Московского государства основной механизм принятия решений и финансовые ресурсы концентрировались в центре, и начиная с 2000-х гг. укрепление вертикали власти и очередной виток централизации характерны для современной России. В определенной мере это провоцирует рост регионального неравенства, тем более что в Концепции долгосрочного социально-экономического развития указано на необходимость создания новых центров развития, которые, с одной стороны, могут стать своеобразными «точками роста» российской экономики, а с другой – только усугубят обозначенную проблему.

Кроме того, социальная и имущественная поляризация общества на сегодняшний день признается весомым недугом, который может вызвать глубокие социально-экономические и политические потрясения в будущем. В Китае и России социальная дифференциация в основном была вызвана экономическими реформами рыночного толка, спровоцировавшими появление узкой прослойки элиты, контролирующей значительную часть финансовых активов страны. В КНР в 2012 г. уровень дохода 10% самых обеспеченных людей Китая в 23 раза превышает тот же показатель 10% самых бедных [39]. В России на сегодняшний день доходы наиболее обеспеченных граждан в 16 раз превышают доходы наименее обеспеченных [4]. Для сравнения в большей части европейских стран эти показатели составляют не более 5–7 раз. При этом, по данным экспертов Высшей школы экономики, по коэффициенту Джини, отражающему степень концентрации доходов, Россия (0,421) и Китай (0,425) вполне сопоставимы. В наиболее развитых странах ЕС этот коэффициент ниже 0,3, а в странах ОЭСР его среднее значение составляет 0,313 [18].

Несмотря на высокий уровень ВВП в Китае, ВВП на душу населения остается достаточно низким: по этому показателю КНР занимает 86-е место в мире из 186 возможных [25]. Подобного рода дифференциация осложняется неразвитостью системы социального обеспечения, охватывающей преимущественно городское население Китая. Россия находится значительно выше и занимает 47-ю строчку. При этом обе страны относятся к группе стран со средним уровнем доходов на душу населения. Обозначенная проблема общественной поляризации в Китае и России формирует две группы населения, первая из которых в состоянии предъявлять требования к качественному предоставлению услуг как со стороны государства, так и коммерческого сектора, а вторая, находясь у черты бедности, обеспокоена не столько качеством услуг, сколько самой возможностью их получения.

Таким образом, несмотря на различия в стартовых условиях и характере проведения рыночных реформ, экономическая институциональная среда Китая и России имеет ряд общих тенденций. В целом обе страны можно отнести

к государствам с переходной экономикой, еще не сформировавшим зрелый коммерческий сектор, благоприятствующий реализации реформ в духе западных управленческих моделей. В силу более авторитарного характера политической системы Китай имеет более политизированный коммерческий сектор, сохраняет черты планового регулирования, больший объем контрольных рычагов над экономическими процессами по сравнению с Россией. В свою очередь, для последней начиная с 2000-х гг., так же, как и для КНР, характерны значительная степень государственного регулирования в экономике, ограниченность развития частного сектора, серьезные проблемы социального характера, небольшая доля третьего сектора в экономике, отставание от развитых государств мира по значимым экономическим показателям. В контексте импорта западных управленческих моделей в России и Китае частный сектор пока не может составить конкуренцию государственному. Региональная, а также социальная и имущественная дифференциация не создает благоприятной атмосферы для функционирования элементов западных моделей на всей территории страны и для всего населения КНР и РФ.

Выводы

Между Россией и Китаем, с одной стороны, и западными государствами – с другой, в культурном и экономическом плане имеется целый ряд серьезных различий. И если Китай определенно точно находится по другую сторону баррикад от западного мира, то Россия имеет гораздо больше общего с Западом.

Культурная институциональная среда не создает благоприятных условий для адаптации западных управленческих моделей к системам госуправления Китая и России. В обоих государствах отсутствует как длительная административная традиция, так и устойчивое гражданское общество в западном понимании. И если для России характерно противостояние восточных и западных ценностей, а также понимание прав человека скорее в западном контексте, то Китай в целом не восприимчив к западной ценностной основе.

В экономическом плане Китай и Россия в последние годы тяготеют к усилению государственного регулирования, а также имеют недостаточно зрелый коммерческий сектор и целый ряд социально-экономических проблем, сказывающихся на общественном благополучии. При этом Китай отличается более высокими показателями развития экономики, а Россия имеет более устоявшуюся нормативную основу регулирования частного сектора и экономического развития в целом.

Широкая степень государственного присутствия в экономике обеих стран несколько не противоречит, а скорее благоприятствует импорту элементов западной модели Good Governance, однако незрелый коммерческий сектор и социально-экономические проблемы создают ощутимые препятствия для полноценного участия бизнеса и общества в предоставлении услуг и управлении государством.

И если преодоление экономических трудностей – задача вполне реальная на среднесрочную перспективу, то изменение культурной среды требует смены не одного поколения при должных управленческих решениях. Безусловно,

наибольшую напряженность при проведении административных реформ приносит именно культурная составляющая в Китае и России. В России попытки трансформировать политическую культуру по западному типу предпринимаются зачастую «сверху» и в ограниченном масштабе; в Китае подобные задачи перед политическим руководством не стоят. И в том, и в другом случае культурные изменения требуют длительного времени и политической воли руководства.

Список литературы

1. *HRW*: наступление на права человека в России продолжается [Электронный ресурс]. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2015/01/150129_hrw_report_2015 (дата обращения: 12.10.2015).
2. *Большаков И.* Культура российских политических акторов: вариант типологизации [Электронный ресурс] // Полис. 2011. № 5. С. 104–116. URL: <http://www.politstudies.ru/files/File/2011/5/9.pdf> (дата обращения: 20.09.2015).
3. *В Китае* существует множество проблем, препятствующих развитию средних, микро- и малых предприятий [Электронный ресурс] // Жэньминь Жибао онлайн. 2012. 24 сент. URL: <http://russian.people.com.cn/31518/7958549.html> (дата обращения: 11.11.2014).
4. *В. Путин*: доходы богатых и бедных россиян различаются в 16 раз [Электронный ресурс]. URL: <http://top.rbc.ru/economics/11/04/2012/645845.shtml> (дата обращения: 15.07.2015).
5. *Валовый* региональный продукт [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_14p/IssWWW.exe/Stg/d02/10-01.htm (дата обращения: 15.07.2015).
6. *Верников В.* Сравнение институциональной структуры банковских систем России и Китая // Деньги и кредит. 2014. № 11. С. 20–28.
7. *Галкина Е., Конопелько И.* Традиционные и новые политические практики взаимодействия государства и гражданского общества [Электронный ресурс] // Вестн. Северо-Кавказ. федер. ун-та. 2014. № 2. С. 146–149. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Galkina_Konopelko.pdf (дата обращения: 20.09.2015).
8. *Ганишин В.Г.* Формирование гражданского общества в России и Китае. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2007.
9. *Делюсин Л.* Вопрос о правах человека в Китае // Аналит. зап. Науч.-координац. совета по междунар. исследованиям МГИМО (У) МИД России. 2006. Вып. 6 (18). С. 5–28.
10. *Дзялошинский И.* Гражданское общество в России: настоящее смутно, будущее туманно // Аналитика. 2009. № 2. С. 3–19.
11. *Доклад* о мерах по развитию малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.smeforum.ru/upload/iblock/f81/f810c5d73204a810a2889cfc43d6aae9.pdf> (дата обращения: 01.07.2015).
12. *Едовина Т.* Две пятых государства отдыхают в тени [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2014. 28 мая. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2480928> (дата обращения: 20.09.2015).

13. Жуковский В. Налоговые рекорды России – бедные платят за богатых [Электронный ресурс]. URL: http://communitarian.ru/publikacii/ekonomika/nalogovye_rekordy_rossii_-_bednye_platyat_za_bogatyh_10122012/ (дата обращения: 20.09.2015).

14. Индикаторы достойного труда [Электронный ресурс]. URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/ind-dtr.xls (дата обращения: 01.07.2015).

15. Карлусов В.В. Китай: к становлению современной модели партнерства власти и бизнеса // Вековой путь Китая к прогрессу и модернизации: тез. докл. XIX Междунар. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». Москва, 19-21 окт. 2011 г. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2011. С. 136–141.

16. Конституция КНР 1982 г. Глава II: Основные права и обязанности граждан [Электронный ресурс]. URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution/constitution_ch2 (дата обращения: 11.10.2014).

17. Лукин А., Лукин П. Мифы о российской политической культуре и российской истории [Электронный ресурс] // Полис. 2009. № 2. С. 56–70. URL: http://www.mgimo.ru/files2/2011_09/up49/file_eaec461510c1e720d2c8806a0d39d350.pdf (дата обращения: 20.09.2015).

18. Неравенство в России растет вместе с доходами [Электронный ресурс]. URL: <http://opes.ru/1751731.html> (дата обращения: 15.07.2015).

19. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экон. книги «Начала», 2007.

20. О концепции долгосрочного социально-экономического развития России на период до 2020 года [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 17 нояб. 2008 г. № 1662-р. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (дата обращения: 01.07.2015).

21. Омеличкин О. Гражданская культура России: проблемы формирования [Электронный ресурс] // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. 2015. Т. 2, № 2 (62). С. 76–80. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/2015-Omelichkin.pdf> (дата обращения: 20.09.2015).

22. Островский А.В. Китайский опыт управления финансами в условиях рыночной экономики // Сравнит. анализ общих черт и особенностей переходного периода в России, Китае и Вьетнаме / под ред. А.В. Островского. М.: ИД «Форум», 2012. С. 210–225.

23. Полный текст доклада, с которым выступил Ху Цзиньтао на 18-м съезде КПК [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cntv.ru/2012/11/19/ART11353293400614968.shtml> (дата обращения: 02.02.2014).

24. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 2005 г. [Электронный ресурс]. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2005/04/25/1223_type63372type63374type82634_87049.shtml (дата обращения: 26.06.2015).

25. Рейтинг стран и территорий по размеру валового национального дохода на душу населения. 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/rating-countries-gni/rating-countries-gni-info> (дата обращения: 12.10.2015).

26. Рябев В. Гражданское общество современной России: проблемы и перспективы становления // Вестник МГТУ. 2010. Т. 13, № 2. С. 439–445.

27. *Устав* Коммунистической партии Китая [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chinaconsulate.khb.ru/rus/zgzt/sldzt/t118049.htm> (дата обращения: 08.10.2015).

28. *Белая книга по правам человека в Китае: Прогресс Китая в области прав человека в 2012 году [中国人权白皮书] 2012年中国人权事业的进展* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hrol.org/Documents/ChinaDocs/Reports/2013-05/3359.html> (дата обращения: 15.03.2015).

29. *Знакомство с компанией [公司介绍]* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.petrochina.com.cn/PetroChina/gsj/gsjj/default.html> (дата обращения: 08.10.2015).

30. *Классификатор стратегических отраслей промышленности. 2012 [战略性新兴产业分类]* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/tjbz/201301/U020131021375903103360.pdf> (дата обращения: 08.10.2015).

31. *Речь Си Цзиньпина на 1-й сессии ВСНП 12-го созыва [习近平：在第十二届全国人民代表大会第一次会议上的讲话]* [Электронный ресурс]. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2013-03/17/c_115055434.htm (дата обращения: 11.10.2014).

32. *Стандартные требования к малым и средним компаниям [中小企业划型标准规定]* [Электронный ресурс]. URL: http://www.acfic.org.cn/publicfiles/business/htmlfiles/qggsl/jjb_jjzc/201107/28226.html (дата обращения: 08.10.2015).

33. *Статистический бюллетень развития социальных услуг в 2012 году [2012年社会服务发展统计公报]* [Электронный ресурс]. URL: <http://cws.mca.gov.cn/article/tjbg/201306/20130600474746.shtml> (дата обращения: 08.10.2015).

34. *Employment in Agriculture (% of Total Employment)* [Электронный ресурс]. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SL.AGR.EMPL.ZS> (дата обращения: 11.04.2015).

35. *Employment in Services (% of Total Employment)* [Электронный ресурс]. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SL.SRV.EMPL.ZS> (дата обращения: 11.04.2015).

36. *Gao Xu. State-Owned Enterprises in China: How Big Are They?* [Электронный ресурс]. URL: <https://blogs.worldbank.org/eastasiapacific/state-owned-enterprises-in-china-how-big-are-they> (дата обращения: 21.07.2014).

37. *Gross Regional Product* [Электронный ресурс]. URL: <http://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=E010> (дата обращения: 21.09.2015).

38. *Luo Zuo. China's Banking System and Access to Credit* [Электронный ресурс]. URL: http://www.uscc.gov/sites/default/files/3.7.13_Sheridan%20Prasso_Written%20Testimony.pdf (дата обращения: 12.05.2015).

39. *New Plan to Reduce Income Inequality* [Электронный ресурс]. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2012-05/23/content_15360815.htm (дата обращения: 21.09.2015).

40. *New Rules for Ngos to Improve Operations* [Электронный ресурс]. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2013-04/17/content_16413055.htm (дата обращения: 21.09.2015).

41. *Property Law of the People's Republic of China* [Электронный ресурс]. URL: http://www.china.org.cn/china/LegislationsForm2001-2010/2011-02/11/content_21897791.htm (дата обращения: 12.05.2015).

42. *Service Sector Gaining Steam in Chinese Economy* [Электронный ресурс]. URL: http://www.nytimes.com/2013/11/11/business/international/service-sector-gaining-steam-in-chinas-economy.html?_r=0 (дата обращения: 12.05.2015).

43. *Small and Medium-Size Enterprises* [Электронный ресурс]. URL: <http://english.mofcom.gov.cn/aarticle/zm/201205/20120508136044.html> (дата обращения: 21.09.2015).

44. *State Seeks Control of Critical Industries* [Электронный ресурс]. URL: http://www.bjreview.com.cn/print/txt/2007-01/09/content_52480.htm (дата обращения: 12.05.2015).

45. *World Economic Outlook Database* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2015/01/weodata/download.aspx> (дата обращения: 30.08.2015).

Получено 13.10.2015

References

1. BBC Russia (2015), *HRW: nastuplenie na prava cheloveka v Rossii prodolzhaetsya* [HRW: encroachment upon human rights in Russia is continued], available at: http://www.bbc.com/russian/international/2015/01/150129_hrw_report_2015 (Accessed 12 October 2015).

2. Bol'shakov, I. (2011), "The culture of Russian political actors: the typology variant", [Online], *Polis*, no. 5, pp. 104–116, available at: <http://www.politstudies.ru/files/File/2011/5/9.pdf> (Accessed 20 September 2015).

3. Zhe'n'min' Zhibao (2012), *V Kitae sushhestvuet mnozhestvo problem, prepyatatstvuyushhix razvitiyu srednix, mikro- i malyx predpriyatij* [In China there are many problems impeding medium, micro- and small enterprises development], available at: <http://russian.people.com.cn/31518/7958549.html> (Accessed 11 November 2014).

4. The news agency RBK (2012), *V. Putin: doxody bogatyx i bednyx rossiyan razlichayutsya v 16 raz* [V. Putin: the profits of rich and poor Russian people differ in 16 times], available at: <http://top.rbc.ru/economics/11/04/2012/645845.shtml> (Accessed 15 July 2015).

5. The official site of Federal State Statistics Service (2012), *Valovyy regional'nyj produkt* [Gross domestic product], available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_14p/IssWWW.exe/Stg/d02/10-01.htm (Accessed 15 July 2015).

6. Vernikov, V. (2014), "The comparison of institutional structures of Russian and Chinese banking system", *Den'gi i kredit*, no. 11, pp. 20–28.

7. Galkina, E. and Konopel'ko, I. (2014), "Traditional and new practices of interaction between state and civil society", [Online], *Vestnik Severo-Kavkazskogo Federel'nogo universiteta*, no. 2, pp. 146–149, available at: http://www.civisbook.ru/files/File/Galkina_Konopelko.pdf (Accessed 20 September 2015).

8. Ganshin, V.G. (2007), "*Formirovanie grazhdanskogo obschestva v Rossii i Kitae*" [Development of civil society in Russia and China], Institut Dal'nego

Vostoka RAS, Moscow, Russia.

9. Delyusin, L. (2006), “The question about human rights in China”, *Analiticheskie zapiski Nauchno-koordinacionnogo soveta po mezhdunarodnym issledovaniyam MGIMO (U) MID Rossii*, no. 6, pp. 5–28.

10. Dzyaloshinskij, I. (2009), “The civil society in Russia: present is dim, future is misty”, *Analitika*, no. 2, pp. 3–19.

11. The forum of small and medium entrepreneurship of the Russian Federation (2015), *Doklad o merax po razvitiyu malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossijskoj Federacii* [The report about measures of development of small and medium entrepreneurship in the Russian Federation], available at: <http://www.smeforum.ru/upload/iblock/f81/f810c5d73204a810a2889cfc43d6aae9.pdf> (Accessed 1 July 2015).

12. Edovina, T. (2014), “Two fifth of the state relaxes in the shade”, [Online], *Kommersant*, available at: <http://www.kommersant.ru/doc/2480928> (Accessed 20 September 2015).

13. Zhukovskij, V. (2012), “Tax records in Russia – poor men pay for rich persons”, [Online], available at: http://communitarian.ru/publikacii/ekonomika/nalogovye_rekordy_rossii_-_bednye_platyat_za_bogatyh_10122012/ (Accessed 20 September 2015).

14. The official site of Federal State Statistics Service (2014), *Indikatory dostojnogo truda* [The indices of decent work], available at: www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/ind-dtr.xls (Accessed 1 July 2015).

15. Karlusov, V.V. (2011), “China: to establishing the contemporary model of power and business partnership”, *Vekovoj put' Kitaya k progressu i modernizacii* [The age-old way of China's progress and modernization], *XIX Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya “Kitaj, kitajskaya civilizaciya i mir. Istorija, sovremennost', perspektivy”* [XIX International scientific conference “China, Chinese Civilization and the World. History, Present and Prospects”], Institut Dal'nego Vostoka RAS, Moscow, Russia, 19–21 October, pp. 136–141.

16. Chinese legislation (2004), *Konstituciya KNR 1982 goda. Glava II: Osnovnye prava i obyazannosti grazhdan* [China's Constitution in 1982. Chapter II: Fundamental rights and duties of citizens], available at: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution/constitution_ch2 (Accessed 11 October 2014).

17. Lukin, A. and Lukin, P. (2009), “The myths about Russian political culture and Russian history”, [Online], *Polis*, no. 2, pp. 56–70, available at: http://www.mgimo.ru/files2/2011_09/up49/file_eaec461510c1e720d2c8806a0d39d350.pdf (Accessed 20 September 2015).

18. The expert site of the Higher School of Economics (2014), *Neravenstvo v Rossii rastet vmeste s doxodami* [Inequality in Russia is growing together with profits], available at: <http://opec.ru/1751731.html> (Accessed 15 July 2015).

19. North, D. (2007), *Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie e'konomiki* [Institutions, Institutional Changes and Economic Functioning], Translated by Nesterenko, A.N., Fond e'konomicheskoy knigi “Nachala”, Moscow, Russia.

20. ConsultantPlus (2008), *O koncepcii dolgosrochnogo social'no-e'konomicheskogo razvitiya Rossii na period do 2020 goda* [On the concept of Russian long-term social-economic development for the period until 2020]: Order

of the Russian government no. 1662-r dated 17 November 2008, available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (Accessed 1 July 2015).

21. Omelichkin, O. (2015), “The Russian civil culture: development problems”, [Online], *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 2, no. 2, pp. 76–80, available at: <http://www.civisbook.ru/files/File/2015-Omelichkin.pdf> (Accessed 20 September 2015).

22. Ostrovskij, A.V. (2012), “The Chinese experience of financial administration in conditions of market economy”, in Ostrovskij, A.V. (ed.), *Sravnitel'nyj analiz obschix chert i osobennostej perehodnogo perioda v Rossii, Kitae, V'etname* [A comparative analysis of the common features and peculiarities of the transition period in Russia, China and Vietnam], ID “Forum”, Moscow, Russia, pp. 210–225.

23. CNTV Russia (2012), *Polnyj tekst doklada, s kotorym vystupil Xu Czin'tao na 18-m s'ezde KPK* [The Hu Jintao's full text of the report on the 18-th CCP Congress], available at: <http://www.cntv.ru/2012/11/19/ARTI1353293400614968.shtml> (Accessed 2 February 2014).

24. The official site of President of Russia (2005), *Poslanie Federal'nomu Sobraniyu Rossijskoj Federacii* [Presidential Address to the Federal Assembly of Russian Federation], available at: http://archive.kremlin.ru/appears/2005/04/25/1223_type63372type63374type82634_87049.shtml (Accessed 26 June 2015).

25. The center of humanitarian technologies (2015), *Rejting stran i territorij po razmeru valovogo nacional'nogo doxoda na dushu naseleniya. 2014* [The gross national products of states and territories rating–2014], available at: <http://gtmarket.ru/ratings/rating-countries-gni/rating-countries-gni-info> (Accessed 12 October 2015).

26. Ryabev, V. (2010), “Civil society in contemporary Russia: the problems and perspectives of development”, *Herald of the Bauman Moscow State Technical University*, vol. 13, no. 2, pp. 439–445.

27. The general consulate of People's Republic of China in Khabarovsk (2002), *Ustav Kommunisticheskoj partii Kitaya* [The Chinese Communist Party Constitution], available at: <http://www.chinaconsulate.khb.ru/rus/zgzt/sldzt/t118049.htm> (Accessed 8 October 2015).

28. The research center of law school of Beijing university of human rights and humanitarian laws [北京大学法学院人权与人道法研究中心] (2013), *Belaya kniga po pravam cheloveka v Kitae: Progress Kitaya v oblasti prav cheloveka v 2012 godu* [The White book of human rights in China: Chinese progress in the field of human rights in 2012] [中国人权白皮书] 2012年中国人权事业的进展], available at: <http://www.hrol.org/Documents/ChinaDocs/Reports/2013-05/3359.html> (Accessed 15 March 2015).

29. PetroChina [中国石油天然气股份有限公司] (2013), *Znakomstvo s kompaniej* [Acquaintance with the company] [公司介绍], available at: <http://www.petrochina.com.cn/PetroChina/gsj/gsjj/default.html> (Accessed 8 October 2015).

30. National Bureau of Statistics of PRC [中华人民共和国国家统计局] (2012), *Klassifikator strategicheskix otraslej promyshlennosti. 2012* [The classifier of industry strategy branches] [战略性新兴产业分类], available at: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/tjbz/201301/U020131021375903103360.pdf> (Accessed 8 October 2015).

31. Xihuannet.com (2013), *Rech'Si Czin'pina na 1-j sessii VSNP 12-go sozyva* [The Si Jinping's speech on the 1-st session of 12-th National People's Congress]

[习近平：在第十二届全国人民代表大会第一次会议上的讲话], available at: URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2013-03/17/c_115055434.htm (Accessed 11 October 2014).

32. China.com.cn (2011), *Standartnye trebovaniya k malym i srednim kompaniyam* [Standard demands to small and medium enterprises] [中小企业划型标准规定], available at: http://www.acfic.org.cn/publicfiles/business/htmlfiles/qggs/jjb_jjzc/201107/28226.html (Accessed 8 October 2015).

33. The official site of the Ministry of civil administration of PRC (2013), *Statisticheskij byulleten' razvitiya social'nykh uslug v 2012 godu* [The statistical bulletin of social services development in 2012] [2012年社会服务发展统计公报], available at: <http://cws.mca.gov.cn/article/tjbg/201306/20130600474746.shtml> (Accessed 8 October 2015).

34. The World Bank (2012), "Employment in Agriculture (% of Total Employment)", available at: <http://data.worldbank.org/indicator/SL.AGR.EMPL.ZS> (Accessed 11 April 2015).

35. The World Bank (2012), "Employment in Services (% of Total Employment)", available at: URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SL.SRV.EMPL.ZS> (Accessed 11 April 2015).

36. Gao, Xu (2010), "State-owned enterprises in China: How big are they?" [Online], available at: URL: <https://blogs.worldbank.org/eastasiapacific/state-owned-enterprises-in-china-how-big-are-they> (Accessed 21 July 2014).

37. National Bureau of Statistics of China (2015), "Gross Regional Product", available at: <http://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=E010> (Accessed 21 September 2015).

38. Luo, Zuo (2013), "China's Banking System and Access to Credit", [Online], available at: http://www.uscc.gov/sites/default/files/3.7.13_Sheridan%20Prasso_Written%20Testimony.pdf (Accessed 21 May 2015).

39. China Daily (2012), "New plan to reduce income inequality", available at: http://www.chinadaily.com.cn/china/2012-05/23/content_15360815.htm (Accessed 21 September 2015).

40. China Daily (2013), "New rules for NGOs to improve operations", available at: http://www.chinadaily.com.cn/china/2013-04/17/content_16413055.htm (Accessed 21 September 2015).

41. China.org.cn (2011), "Property Law of the People's Republic of China", available at: http://www.china.org.cn/china/LegislationsForm2001-2010/2011-02/11/content_21897791.htm (Accessed 12 May 2015).

42. New York Times (2012), "Service Sector Gaining Steam in Chinese Economy", available at: http://www.nytimes.com/2013/11/11/business/international/service-sector-gaining-steam-in-chinas-economy.html?_r=0 (Accessed 12 May 2015).

43. The official site of the Ministry of Commerce of PRC (2012), "Small and medium-size enterprises", available at: <http://english.mofcom.gov.cn/aarticle/zm/201205/20120508136044.html> (Accessed 21 September 2015).

44. Beijing Review (2007), "State Seeks Control of Critical Industries" available at: http://www.bjreview.com.cn/print/txt/2007-01/09/content_52480.htm (Accessed 12 May 2015).

45. The official site of the International Monetary Fund (2015), "World Economic Outlook Database", available at: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/>

INSTITUTIONAL CONDITIONS OF MODERN ADMINISTRATIVE REFORMS IN CHINA AND RUSSIA: CULTURAL AND ECONOMIC ASPECTS

Olga V. Sivintseva

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia

E-mail: sivenc8@gmail.com

Svetlana R. Titova

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia

E-mail: svetlana.titoffa@gmail.com

Elizaveta A. Troitskaya

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia

E-mail: troitzkaya@inbox.ru

The article describes the features of the cultural and economic institutional conditions of administrative reforms in the spirit of Western management models New Public Management and Good Governance in China and Russia. In the cultural aspect values and traditions, level of civil society development and state of human rights in both countries are estimated. In the economic aspect scale of state regulation of economic sphere and level of commercial sector development are analyzed.

Results of the research showed that the biggest problems in the implementation of administrative reforms can be caused by cultural differences between China and Russia, on the one hand, and the countries of the Western world, on the other. In both countries civil society is not sustainable in the Western sense, and the lengthy administrative tradition is absent.

Regarding the economic institutional environment in China and Russia, we can't say that it favors or hinders the import of the "ideal" Western management model. A number of parameters, such as a large degree of state regulation, contribute to the successful borrowing of Good Governance model. Such parameters of the economic institutional environment, as insufficiently mature commercial sector and a whole range of socio-economic problems, on the contrary, prevent the import of the New Public Management model in terms of the full participation of business and society in the provision of services and management of the state.

Key words: New Public Management; Good Governance; administrative reforms; institutional conditions; cultural environment; economic environment; civil society; commercial sector

CONTENTS

I. THEORIES OF POLITICS, ECONOMICS AND MANAGEMENT

Blus' P.I., Ovchinnikova A.S. Some Approaches to Evaluate the Effectiveness of the Supreme Executive Authority of the Russian Federation	5
Zhulanov E.E. Forecasting the Development of Regional Socio–Economic System on the Basis of Economic-Mathematical Modelling of Its Reproduced Contour	15
Porfir'ev E.E. Behavior Modeling of Economic Agents to Improve the Management of Consumer Behavior	33
Artemev D.G., Grebenshchikova E.N. Criteria for Success of the Projects to Develop a New Product on Different Stages of Their Life Cycle	41

II. FEDERAL POLITICS AND GOVERNMENT

Olompiev K.S. State Policy Models in the Sphere of Interaction with Civil Society Institutions in Modern Russia	57
Drozdova V.A., Isopeskul O.Yu. Correlation Between Level Coherence of Organisational Culture in Single-Window Service Offices and Satisfaction of Their Clients	68
Trunova O.D., Silin M.V. Implementation Features of Public-private Partnerships in Education in Russian and International Practice	82
Pakhomova L.M. Demand Guarantee as a Way to Ensure the Bids and to Enforce State and Municipal Contracts in the Contract System	97

III. ECONOMIC POLICY AND ECONOMIC DEVELOPMENT MANAGEMENT

Zubarev N.Y., Mirolyubova T.V., Krasilnikov D.G. Current Imperatives of Strategic Planning in the Regions of the Russian Federation (exemplified by the territorial entities of Privolzhsky Federal District)	112
--	-----

Urasova A.A. Features of Development of the Food Industry in Perm Krai under Modern Conditions	124
Pinkovetskaia J.S. On Localization of Entrepreneurial Units Services in the Regions	139
IV. LOCAL SELF-GOVERNMENT AND DEVELOPMENT OF TERRITORIES	
Krasilshchikov G.G. Evaluation of Socio-Economic and Socio-Political Development Issues of Population in Municipalities of Perm Region in 1998–2003	153
V. FOREIGN EXPERIENCE OF STATE MANAGEMENT AND INTERNATIONAL RELATIONS	
Sivintseva O.V., Titova S.R., Troitskaya E.A. Institutional Conditions of Modern Administrative Reforms in China and Russia: Cultural and Economic Aspects	167
RULES FOR AUTHORS	192